

Все такъ высоко, такъ взгромождено,
Бакъ бурю на нихъ нанесено.

Примѣтна спѣсь въ ихъ пошлой болтовнѣ,
Уста всегда сказать готовы: *нѣтъ*
И холодны онѣ, какъ при лунѣ
Намъ кажется прабабушки портретъ;
Когда гляжу, то право жалко мнѣ,
Что вкусъ такой имѣетъ модный свѣтъ.
Вѣдь думаютъ тенѣтомъ лентъ, кисей,
Какъ зайчиковъ, поймать моихъ друзей.

Сидѣлъ я разъ, случайно, подъ окномъ,
И вдругъ головка вышла изъ окна,
Незавита, и въ чепчикѣ простомъ—
Но какъ божественна была она,
Уста и взоръ—стыжусь!.. Въ умѣ моемъ
Головка та ничѣмъ не изгнана,
Какъ нѣкій сонъ младенческихъ ночей
Или какъ пѣсня матери моей.

И сколько лѣтъ уже прошло съ тѣхъ
О! вѣрте мнѣ, красавицы Москвы, [поръ!..
Блестательный вашъ головной уборъ
Вскружить не въ силахъ нашей головы.
Всѣ платья, шляпы, бугли ваши—взоръ,
Такой же вздоръ, какой твердите вы,
Когда идете здѣсь толпой кометъ,
А маменьки бѣгутъ за вами вѣлѣдь.

Но для чего кометами я васъ
Назвалъ, глупецъ тупѣйшій то пойметъ,
И самъ Башуцкій объяснить тотчасъ:
Комета за собою хвостъ влечетъ;
И это всѣмъ признано у насъ,
Хотя—что въ немъ, никто не разберетъ;
За вами-жъ хвостъ оставленныхъ мужьевъ,
Вдыхателей и бѣдныхъ жениховъ!

О, женихи! о бѣдный Масаловъ!
Какъ не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, изъ рода пѣтушниковъ,
Средь юныхъ дѣвъ, какъ будто бы въ саду;
Хотя и держишься размѣру словъ,
Но ты согласенъ на свою бѣду,
Что лучше все не думавъ говорить,
Чѣмъ глупо думать и глушій судить.

Онъ чванится, что точно русскій онъ;
Но еслибы таковъ былъ весь народъ,
То я бы изъ Руси пустился вонъ.
И то сказать, чудесный патриотъ
Лишь своему языку обученъ;
Онъ этимъ край родной не выдаетъ;
А то-бъ узнали всей земли концы,
Что есть у насъ подобные глупцы.

Продолженіе впрдѣ.

Пѣснь Барда.

Я долго былъ въ чужой странѣ,
Дружинъ Дѣйра сѣдой пѣвецъ,
И вдругъ пришло на мысли мнѣ
Къ нимъ возвратиться наконецъ.
Пришель—съ гуслими за спиною—
Былую пѣсню заигралъ..

Напрасно!—Князь земли родной

Приказу ханскому внималъ

Въ пустыни, гдѣ являлся врагъ,

Понесъ я старую главу,

И попиралъ мой каждый шагъ

Окровавленную траву

Сходились къ брошеннымъ костямъ

Толпы звѣрей и птицъ лѣсныхъ

Затѣмъ, что больше было тамъ

Число убитыхъ, чѣмъ живыхъ.

Кто могъ бы спѣть хоть пѣсню одну?

Отчаяннымъ движеньемъ рукъ

Задѣвъ дрожащую струну,

Случалось, исторгалъ я звукъ,

Но умиралъ такъ скоро онъ!

И если-бъ слышалъ сынъ цѣней,

То гибнущей свободы стоишь

Не тронулъ бы его ушей

Вдругъ кто-то у меня спросилъ:

«Зачѣмъ я часто слезы лью,

Гдѣ человѣкъ такъ вольно жить?

О комъ бренчу, о комъ пою?»

Пронзила эта рѣчь меня—

Надеждъ пропалъ послѣдній рой;

На землю гусли бросилъ я

И, молча, раздавилъ ногой

Черноокой.

Твои пламенные очи
Жгуть дѣнь, чертятъ ночи.

къ сушковой ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ.

При выѣздѣ изъ Средникова къ Miss Blackey;
шутка—предположенная отъ М. Kord.

Вблизи тебя до этихъ поръ

Я не слыхалъ въ груди огня.

Встрѣчалъ ли твой прелестный взоръ,

Не билось сердце у меня.

Въ лѣсахъ, по узенькимъ тропамъ

Нерѣдко я бродилъ съ тобой;

Ихъ шумомъ любовался тамъ,

Меня не трогалъ голосъ твой.

И что-жъ? разлуки первый звукъ

Меня заставилъ трепетать;

Нѣтъ, нѣтъ! онъ не предвѣстникъ мукъ:

Я не люблю—зачѣмъ скрывать!

Однако же, хоть день, хоть часъ,

Еще желалъ бы здѣсь пробыть,

Чтобъ блескомъ этихъ чудныхъ глазъ

Души тревоги усмирить.

Благодарю.

Благодарю!.. вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла.
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье

Благодарю!

Въ другомъ краю ты нѣкогда пѣняла;
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся навѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала

Благодарю!